

СВЯЩЕНСТВО И ЦАРСТВО В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ

Рец.: *Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. 920 с.; ил.*

Хотя в книге это нигде и не отмечено, по сути она является вторым, дополненным изданием работы М. А. Бабкина 2007 г.¹, которую автору этих строк уже приходилось рецензировать². Из шести глав работы четыре аналогичны первому изданию и даже имеют идентичные именованья. Безусловно, повторять уже озвученную критику не имеет смысла. Однако в издании 2011 г. некоторые тезисы Бабкина получили дальнейшее развитие, на чем и стоит остановиться.

Несмотря на то что работа основана на диссертационном исследовании и заявлена как «научное издание» (причем даже имеет гриф Историко-архивного института РГГУ), она далеко не полностью отвечает соответствующим требованиям. Сколько-нибудь развернутая научная постановка проблемы в работе отсутствует. Нет также общих источниковедческого и историографического разделов, библиографии (зато ее заменяют перечни собственных работ Бабкина и посвященных их обсуждению «научных мероприятий», что лишь подчеркивает личную «скромность» ученого). Научный характер работе придают, пожалуй, лишь сноски, но и они подчас имеют характер публичных откровений (см., напр., с. 494, сн. 160). Отсутствуют необходимые для научного издания разделы, но наличествуют совсем не научные, например два политико-публицистических «Вместо послесловия», подробно освещающих обсуждение темы Февраля 1917 г. в современных маргинальных околоцерковных кругах (с. 608–622). Среди рецензентов издания присутствует известный ныне адепт славяно-ведизма д. ф. н. В. А. Чудинов, чье имя, вероятно, по мнению Бабкина, лишь усиливает научность его работы.

В первом абзаце раздела «Вместо предисловия» Бабкин кратко формулирует проблематику своей работы. Он собирается рассмотреть взаимоотношения духовенства РПЦ и «верховой власти» (чьей?) «с точки зрения историко-богословской проблемы “священства-царства”». Далее следует раскрытие этой

¹ *Бабкин М. А. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2007. 532 с.*

² Отечественная история. 2008. № 5. С. 204–207. См. также посвященную этой работе интернет-публикацию «Русская Церковь и Русская революция» (<http://www.pravoslavie.ru/arhiv/29621.htm>).

проблемы: вопрос сводится к выяснению того, «что выше и главнее: царская или церковно-иерархическая власть»? Причем, как поясняет Бабкин, речь идет именно о земном аспекте и не о всей иерархии, а лишь о патриархе. Автор заостряет вопрос: «Над кем нет никого, кроме Бога: над императором или над патриархом?» По мнению Бабкина, тот, кто является «местоблюстителем Христовым» (император или патриарх), может судить и низлагать другого (с. 20). Вряд ли тема подобного «местоблюстительства» имеет отношение к *православному* богословию, она скорее связана с западной проблематикой папства и империи, однако этот вопрос стоит оставить за рамками рассмотрения. Между тем возникают и иные недоумения. Во-первых, воспринимается ли патриарх как особая степень священства, ведь только в этом случае его можно противопоставлять императору отдельно от остальной иерархии? Во-вторых, рассматриваются ли патриарх и император как носители уникального в своем роде статуса в пределах России или всего мира? Как известно, по православному учению патриаршество особой степенью священства не является, а сам этот сан носят предстоятели нескольких поместных церквей. Российский император в начале XX в. также не являлся единственным православным монархом, не возглавлял никакой универсальной политической иерархии и не мог (по крайней мере официально) претендовать на главенство в отношении всех православных христиан мира. Таким образом, заявленная проблематика неизбежно нисходит с вселенского уровня на национальный (поместный), что явно не соотносится с обозначенной идеей «местоблюстительства».

Наконец, исходя из изложенной автором «точки зрения», имеет ли и само исследование историко-богословский характер? Если это так, то его должен предварять экскурс, дающий читателю развернутое представление о богословских и исторических аспектах заявленной темы, их связи, о существующих в литературе основных подходах и трактовках. Однако в книге этого нет, а само повествование наводит на мысль, что автор отстраняется от сугубо богословской проблематики и склонен рассматривать заявленную тему в традиционном историческом ключе. Это вызывает новые вопросы. Безусловно, заявленный Бабкиным вопрос прямо связан с русской историей XVII в., точнее с конфликтом между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Но его значение применительно к событиям начала XX в. (как и истории России в целом) пока не доказано. Для этого стоило бы осуществить целый ряд предварительных исследований: рассмотреть представления о соотношении светской и духовной власти, имевшие место в среде государственных деятелей, духовенства и общественности, а также в богословской, исторической и юридической науке XIX — начала XX в. Неплохо было бы более четко представлять и то положение, в котором находилось «царство» в этот период, и то, как на протяжении предшествующего времени выстраивались конкретные отношения самодержца с церковной иерархией. Только тогда стали бы ясны мотивы того или иного поведения различных сил и лиц этой эпохи. Подобная контекстуализация представляется трудоемкой и даже неподъемной для одного исследователя, но это не значит, что она не нужна. К сожалению, Бабкин придерживается совершенно другого подхода: систематическое рассмотрение этих вопросов подменяется кратким пересказом в первой

главе уже хорошо известных по научной литературе конкретных проектов церковных реформ 1905–1906 гг. или взглядов некоторых представителей власти, духовенства, церковной науки (К. П. Победоносцева, архиепископа Антония (Храповицкого), епископа Андрея (Ухтомского), Н. С. Суворова) по различным богословским, политическим или историческим вопросам. По сути же Бабкин просто накладывает проблематику четырехсотлетней давности на российскую ситуацию прошлого века и смотрит на события как бы из никоновского времени — притом что развитие науки, государства и общественности России XVII и начала XX в. были совершенно несоизмеримы.

Основная часть работы сразу начинается с весьма многообещающего заявления: «Российская империя и Православная церковь составляли единое церковно-политическое тело, единый организм. И государство (Империя), и Церковь по существу являлись двумя ипостасями этого неразрывного тела, находившимися под скипетром православного самодержца» (с. 29–30). Оставим в стороне оперирование богословской терминологией (две ипостаси одного тела!), которое выдает неглубокие представления автора об этой сфере. Из приведенного пассажа читатель, вероятно, должен сделать вывод, что, по мнению автора, все православные на земле (и в горнем мире?) были российскими подданными, как и наоборот. Лишь далее (с. 31, сн. 8) становится ясно, что автор намерен различать Русскую Православную Церковь («определенную “земную” религиозную организацию») и Церковь как «Божественное учреждение». Последнюю он пишет с прописной буквы (проблеме использования прописных букв посвящен целый раздел работы — см. с. 19–25), тем самым давая понять читателю, что именно Она как «Божественное учреждение» (а не только РПЦ) до 1917 г. находилась «под скипетром православного самодержца».

Указывая на особый статус императоров в Церкви, Бабкин приводит краткие сведения из византийской истории. К сожалению, основным выводом становится следующее: этот статус действительно был высок, но никогда не был четко закреплен и серьезно менялся. Кроме того, он был ограничен церковным вероучением, канонами, соборами «и другими факторами». Даже зачастую претендуя на архиерейский статус, императоры никогда не дерзали совершать Евхаристию (с. 53–60). Именно Евхаристия, по христианскому учению, является сердцевиной Церкви, являет Царство Небесное, а служащий ее — образ Самого Христа. Именно Евхаристия есть основание церковной иерархии. В отличие от нее, основание императорской власти земное. Какую бы конкретную роль ни играл император в богослужении, он образом Христа не являлся. Стоит отметить, что императоры также самостоятельно не вводили догматы, не издавали канонов, в отличие от церковных соборов (хотя и председательствовали на них), они оставались «внешними епископами», ответственными за церковное благочиние. Между тем евхаристический аспект отношений священства и царства хоть походя и отмечен Бабкиным, но никак не развит. Возможно, это связано с общим невниманием светской науки к мистической (тайнственной) стороне Церкви, либо с личным конфессиональным статусом Бабкина, который является беспоповцем (неизвестного толка) и не участвует в Евхаристии.

Хотя в названии книги заявлен весь период начала XX в., событиям до 1917 г. посвящена лишь первая глава. Ее структура не отличается логичностью. Более половины ее объема (параграфы 1–3) имеет реферативный характер: автор пересказывает существующую литературу по вопросам общего положения Русской Православной Церкви и отношения духовенства к различным церковным и политическим вопросам вплоть до 1917 г. (впрочем, делая не те выводы, которые характерны для работ, составляющих фактологическую опору Бабкина³). Затем автор неожиданно возвращается к революции 1905–1907 гг. и отношению к ней духовенства, что рассматривается преимущественно по двум периодическим изданиям («Церковные ведомости» и «Церковный вестник»; с. 133–155). Еще один параграф, посвященный изменениям богослужебных титулований архиереев и поминовений лиц Дома Романовых, вообще носит «характер предварительного исследования» (с. 160). Тем не менее автор делает вывод о важной тенденции: в последние два десятилетия XIX в. статус поминовения архиереев постоянно повышался, а императора и царствующего дома — снижался (с. 169–172, 174–178, 180–183). Вывод более чем скромный по масштабам автора. Какие выводы следовало бы сделать в духе изысканий Бабкина? Он очевиден: во главе антимонархического заговора стоял всемогущий обер-прокурор К. П. Победоносцев. Правда, он был в прохладных отношениях с иерархами, поэтому придется сделать вывод, что он действовал в собственных интересах или в интересах неких сил (!), за ним стоявших. Изменение текста архиерейской присяги, после чего она стала «краткой и достаточно формальной», произошло при помощи не только Победоносцева, но и императора (с. 184–188). Что это могло означать? Кажется, мы стоим на пороге новых научных открытий...

Непосредственная предыстория Февраля 1917 г. исполнена разнообразных событий, недоучет которых не позволит понять общего характера революции. Бабкин решил доказать непосредственное и активное участие духовенства в политической борьбе — причем в рядах оппозиции. Важным доказательством, по его мнению, является присутствие духовенства в рядах Прогрессивного блока. Бабкин пытается подсчитать количество священников — депутатов IV Думы, входивших в парламентский блок (с. 104–106). В результате автором была создана таблица, в которой отмечена принадлежность каждого (всего 47 лиц) к определенной фракции, а также к блоку. К последнему причислены 14 человек (еще двое скончались до образования блока). В отношении большинства представителей духовенства Бабкин сведений, по собственному признанию, не нашел, а потому оставил вопрос о принадлежности открытым (с. 823–827). Известно, что в блок входили не отдельные депутаты, а фракции в целом. Из 14 лиц, причастных, по мнению Бабкина, к блоку, 2 якобы входили во фракцию правых, 7 были националистами, 2 — центристом, 1 — октябристом, 1 — прогрессистом, 1 — беспартийным. Возникает впечатление, что в заговоре участвовала вся Дума. Еще 20 правых, 10 националистов, 1 прогрессист оставлены Бабки-

³ Стоит также отметить, что в случае тактической необходимости Бабкин практически полностью игнорирует серьезные исследования по основной теме работы, напр.: *Рогозинский П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

ным на подозрении в причастности к блоку. Между тем автор указывает лишь фракционную принадлежность на конец 1912 г. и не учитывает раскол фракции националистов и перемещения депутатов между фракциями до августа 1915 г., когда и возник Прогрессивный блок. К этому времени священники А. Г. Альбицкий, И. М. Караваев и С. В. Сырнев состояли во фракции националистов-прогрессистов, националисты А. С. Будилович и С. И. Остроумов перешли к земцам-октябристам, Ф. Д. Филоненко — в центр. В результате картина сильно меняется: в блок в составе своих фракций вошло в общей сложности 13 священников (7 националистов-прогрессистов, 3 центриста, 2 земца-октябриста, 1 левый октябрист). И. В. Титов (прогрессист) снял сан еще до думских выборов в 1912 г., а подозревать остальных (правых и националистов) в причастности к блоку нет вообще никаких оснований. Итак, можно точно утверждать, что в составе блока было менее 1/3 депутатов-священников. При этом данных об их активности в рамках парламентского большинства нет.

Ссылаясь на слова советского историка А. Я. Авреха, Бабкин утверждает, что в Прогрессивном блоке состоял также Синод «с высшим духовенством» (с. 105). При проверке цитаты оказывается, что это не мнение Авреха, а процитированная им речь члена Государственного совета октябриста гр. Д. А. Олсуфьева, произнесенная на заседании XII дворянского съезда 29 ноября 1916 г. Речь была весьма эмоциональной, причем Олсуфьев заявил, что в блок вместе с двумя палатами парламента и Синодом вошли также «вся русская буржуазия с миллионными капиталами, вошли все городские организации, организации рабочих, союзы»⁴. Итак, усвоив элементарные правила цитирования и ссылаясь на Олсуфьева (а не на Авреха), Бабкину можно было бы резко расширить ряды оппозиции.

Синод, как предполагает Бабкин (ни одного факта у него нет), состоял из масонов или лиц, зависимых от масонских лож (с. 245). На том же уровне доказательности находится утверждение об участии членов Синода в антимонархическом заговоре. То, что заговорщики-либералы предполагали заточить императрицу в монастырь, для Бабкина становится доказательством причастности высшего духовенства к кругу злоумышленников (с. 268–270). Это гениальное предположение нужно продолжить: участие в заговоре сотрудника Всероссийского союза городов тифлисского городского головы А. И. Хатисова (а об этом известно точно) означает, что заговорщиками было все население Закавказья и городов центральной России. Впрочем, у Бабкина есть еще одно доказательство: прецедент участия духовенства в «клерикальном» заговоре против Петра Великого в 1710-е гг. (с. 270–272). Кстати, отметим, что вскоре после раскрытия этого заговора в России появились первые масонские ложи — те самые, в зависимости от которых, как считает Бабкин, оказался Синод через 200 лет — в начале XX в. Странно, что эти факты пока не навели автора книги на еще более серьезные размышления...

Итак, как считает Бабкин, в феврале-марте 1917 г. был запущен механизм нового антимонархического заговора с участием Синода. 2 марта он уже принял

⁴ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: В 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 655.

решение установить контакт с Временным правительством, что было сделано 3 марта (с. 201–202). В книге 2007 г. говорилось не о Временном правительстве, а о Временном комитете Государственной думы⁵. Временное правительство действительно было создано 2 марта, еще до отречения императора, однако действовать отдельно от Временного комитета начало лишь на следующий день, поэтому 2 марта Синод мог предполагать установить контакт лишь с Временным комитетом. По мнению Бабкина, решение об установлении такого контакта через три дня после ликвидации законных органов власти в столице является преступным и равносильно признанию новой власти, хотя в действительности речь шла лишь об информировании Синодом реально функционировавших учреждений о своих действиях — не имеет значения, какой статус эти учреждения в тот момент имели. К этому времени с Временным комитетом уже установили контакт все действовавшие в Петрограде организации и иностранные дипломаты. Еще 28 февраля в контакт с председателем думского Комитета вступил начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев, с 1 марта по решению командования воззвания Комитета распространялись на фронте, а его представители допускались в войска⁶. Синод установил контакт с Комитетом значительно позже. Бабкин также отмечает, что Синод не обращался ни к кому из представителей Дома Романовых (с. 202), что является вполне естественным, поскольку они не обладали никакой формальной властью. О знаменитом заседании Синода 4 марта, на котором архиереи приветствовали революцию и участвовали в выносе императорского кресла из зала заседания, Бабкин повествует, ссылаясь лишь на газеты (с. 203–204). От кого конкретно пресса получила такие сведения и насколько их приукрасила в духе царившего тогда революционного воодушевления, остается только гадать.

О кризисе промонархических сил в России в феврале-марте 1917 г. подробно писалось в предыдущих рецензиях. Тем не менее и в настоящем издании Бабкиным упорно отмечается, что в это время за монархию (разумеется, конституционную) выступали часть депутатов Государственной думы, кадетская партия, а также лидер кадетов и Прогрессивного блока П. Н. Милюков, один из организаторов заговора против императора (и его личный враг) А. И. Гучков. Со ссылкой на мемуары А. И. Деникина утверждается также, что монархически были настроены войска и народ (с. 206–207). О депутатах, кадетях и Гучкове говорить не приходится: именно они и сыграли основную роль в революции. Соответствующую роль Думы отмечает и сам Бабкин (с. 104–106), но ровно через 100 страниц «благоразумно» об этом забывает. В результате возникает замечательная по своей наивности логика: Милюков подготовил революцию, но был среди последних защитников монархии. Что касается войск и народа, то хотелось бы увидеть более веские доказательства их монархических настроений, чем мемуары белого генерала. Уже процитированный Олсуфьев в своей речи в ноябре 1916 г. открыто заявлял: «Государь, на кого Ты хочешь опираться? Тебе не на кого опираться»

⁵ См.: *Бабкин М. А.* Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). С. 144–145.

⁶ Подробнее см.: *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 293–303.

ся. <...> Остается один только сфинкс, это русский мужик, на которого можно опереться. Но, гг., вспомните, что еще Столыпин сказал, что эта карта была бита в Первой думе. Если вы теперь хотите собрать бородатых Сусаниных, то вы их не соберете, так как этих бородатых Сусаниных больше нет...»⁷. Еще курьезнее мнение Бабкина, что в марте 1917 г. именно духовенство не позволило черносотенцам ударить в колокольный набат и тем вызвать контрреволюцию (с. 244). Бабкин в данном случае ссылается на монографию Ю. И. Кирьянова, однако из нее на самом деле следует, что план обсуждался в правых кругах в 1915 г. и был свернут государственной администрацией⁸. Кирьянов отмечает, что к 1917 г. правые оказались в глубоком кризисе, а их паралич в период революции был связан не с позицией Синода, а с добровольным отречением императора⁹. Впрочем, уровень цитирования литературы, имеющий место в работе Бабкина, выше уже отмечался.

Бабкин обвиняет Синод в отсутствии противодействия революции: фактически ему до свержения старого порядка нужно было стать штабом контрреволюции или после победы переворота заменить собой правые партии (с. 258–267). Иными словами, нужно было выполнить ту политическую миссию, которую отказались выполнить сама монархия или ее защитники из числа правых. «Забавнее» всего выглядит предложение применять «интердикт» по отношению к врагам монархии. Действенность подобной меры в феврале 1917 г. для Бабкина сомнений не вызывает: он приводит два примера успешного локального применения «интердикта» священниками в отношении крестьян в Саратовской и Подольской губернии в 1916 и 1917 гг. (с. 529–530). Более всего «интердикт», наверное, повлиял бы на тех бунтовщиков, которые убивали офицеров и полицейских, громили винные склады, арестовывали петроградского митрополита... Подобный «интердикт» летом 1918 г. применил как акт противодействия большевикам в Пермской епархии священномученик архиепископ Андроник (Никольский), после чего был убит (с. 263). Интересно отметить, что в неприменении «интердикта» духовенство на Поместном Соборе упрекал в январе 1918 г. тот самый граф Олсуфьев (с. 529–530), который за год до того отмечал, что у монархии не осталось сторонников. В своей риторической запальчивости граф противоречил сам себе — как и Бабкин.

По версии Бабкина, в марте 1917 г. в России установилось «междоцарствие». Однако аргументация автора стройностью не отличается. Во-первых, по его мнению, после отречения Николая II новым императором стал Михаил (Бабкин отмечает, что Михаил продолжает именоваться Великим князем и после 3 марта лишь в силу историографической традиции). В телеграмме Великому князю сразу после отречения Николай Александрович именовал его монархом. Так же считал и Гучков (с. 205, сн. 48; 206, сн. 53). Тем не менее никаких юридических оснований считать Михаила императором уже 2 марта у нас нет. Российское законодательство не предусматривало отречения императора ни за себя, ни за наследника. В соответствии с Основными государственными законами наслед-

⁷ Гайда Ф. А. Указ. соч. С. 293–303.

⁸ См.: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 384.

⁹ См.: Там же. С. 427.

ник заступал на престол «со дня кончины Его предшественника» (ст. 53). Кончины не произошло, а сам Михаил не был наследником (в 1912 г. он даже был лишен прав престолонаследия в связи с морганатическим браком — женитьбой на дважды разведенной г-же Вульфферт, которая, следуя логике Бабкина, 2 марта стала императрицей Натальей Сергеевной). Конечно, император имел право изменить законодательство, восстановить Михаила в правах, назначить наследником, но лишь в случае его согласия (ст. 37 предусматривала право наследника отказаться от своих прав в случае наличия других правообладателей). В подобных обстоятельствах Михаил во всяком случае не становился императором в силу самого отречения 2 марта, как это полагает Бабкин. Однако 3 марта, будучи уже, по мнению Бабкина, императором, Михаил передал вопрос о форме правления Учредительному собранию (с. 205–206). Далее остается только гадать о логике автора. Если Михаил не перестал быть императором, то почему речь идет о «междоцарствии»? Если перестал, то период «междоцарствия» возник между императором Михаилом, правившим 2–3 марта, и им же, готовым вновь вступить на престол по воле народа. В таком случае возникает самая оригинальная концепция «междоцарствия» в мировой истории: «междоцарствие» между двумя периодами царствования одного и того же императора.

Второй аргумент Бабкина в пользу наличия «междоцарствия»: Дом Романовых в целом также не отрекался от престола (с. 493). Однако подобная форма отречения вообще не практикуется и никакого юридического значения не имеет. Отречься может лишь конкретное лицо, потому что царствует именно оно, а не род. Дом Романовых в законодательстве именовался «царствующим», но это означало наличие у всего Дома Романовых не неких коллективных полномочий власти, а лишь прав на занятие престола в порядке наследования. Представители Дома Романовых и в 1917 г., и в последующие годы (вплоть до эмиграции) не обнаруживали никаких претензий на престол. Нет также никаких свидетельств того, что они считали Великого князя Михаила императором.

Третий аргумент в пользу «междоцарствия»: свидетельства современников. Однако таковых свидетельств было совсем немного, и подобной точки зрения они придерживались совсем недолго. В качестве примера Бабкин приводит обращения епископа Пермского Андроника (Никольского) 4 и 5 марта, в которых действительно говорилось о «междоцарствии», но также и о необходимости послушания Временному правительству (с. 226–227). При этом, в отличие от Бабкина, епископ вполне логично называл Михаила Александровича Великим князем, но не императором. Документы, связанные с позицией епископа, были Бабкиным опубликованы¹⁰, но прокомментированы крайне тенденциозно. 22 марта епископ Андроник в своем новом обращении о «междоцарствии» уже не говорил, отмечая, что в стране произошел «государственный переворот», а также «перемена в самом управлении нашим государством Российским». Признание смены формы власти означало отказ епископа от идеи о «междоцарствии». В письме обер-прокурору от 16 апреля пермский архиерей пояснял свою позицию по по-

¹⁰ См.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / Сост., предисл. и коммент. М. А. Бабкин. М., 2006. С. 137–144.

воду акта 3 марта: «...после Учредительного собрания у нас может быть и царское правление, как и всякое другое». По мнению Бабкина, это означало, что епископ, «временно» признав народовластие, оставался верен своей точке зрения о «междущарствии» (с. 227–228), что выглядит безусловной натяжкой. Сама теория «временного» признания или «временного» отказа от власти «императора» Михаила с юридической точки зрения выглядит нонсенсом. Временный характер верховной власти Временного правительства был связан с ограничением срока его деятельности до созыва Учредительного собрания. Великий князь Михаил отказывался от принятия власти не «временно», а в пользу Учредительного собрания. После 3 марта он не смог бы самостоятельно заявить о принятии на себя власти, а потому народовластие провозглашалось не «временно», а безусловно. Учредительное собрание могло принять решение о форме власти, но отказать народу в суверенитете было бессильно, поскольку само имело полномочия от народа. Кроме мнения епископа Андроника Бабкин приводит также сведения о двух сельских священниках, которые на проповедях ратовали за восстановление монархии (с. 228), хотя о «междущарствии» не говорили. Других аргументов в пользу «междущарствия» не остается. Впрочем, любое указание современников на неопределенность формы правления Бабкин склонен однозначно трактовать именно в пользу их представления о «междущарствии» (с. 229), что окончательно лишает его концепцию какого бы то ни было смысла.

Изложив все «аргументы» своей концепции «междущарствия», Бабкин увенчал ее замечательным пассажем. С некоторыми оговорками он присоединился к недавно явившейся точке зрения о том, что отречения императора Николая II на самом деле не было (с. 204–205, 273). Здесь не место оценивать научный уровень подобного тезиса. Однако признание его со стороны Бабкина означает, что все его рассуждения об «императоре» Михаиле и «междущарствии» перечеркнуты им же самим. Спасти всю концепцию можно, вероятно, только одним способом (подскажем Бабкину): выдвинув новый тезис, что междущарствие существовало сразу при двух здравствовавших императорах-соправителях, младший из которых о соправлении не догадывался и передал полноту власти народу, а старший этого не признавал, но не поставил младшего в известность...

Итак, можно ли разделить точку зрения Бабкина о «междущарствии»? Оно возникает лишь в случае смерти монарха или его отречения от власти **при отсутствии определенного наследника**. Неизвестен будущий монарх, но известно, что он обязательно будет. Междущарствие имело место в России в 1598 г., когда пресеклась московская ветвь Рюриковичей; затем в ходе переворотов 1606 и 1610 гг.; а также в 1725 и 1825 гг., когда династия не пресекалась, но конкретный наследник либо не был определен, либо отказался вступить на престол. В 1598–1613 гг. решался вопрос, из какого рода будет новый царь, в 1725 г. — кто из представителей династии займет престол, в 1825 г. — станет ли императором Константин или власть будет передана Николаю?

В 1917 г. ситуация была совершенно иной. Император Николай II отрекся в пользу Великого князя Михаила Александровича, что было нарушением закона, но все же предполагало передачу власти конкретному лицу. Великий князь **не принял** власть (следовательно, и не имел необходимости отречься от власти,

поскольку ее не имел), но в своем акте 3 марта констатировал переход верховной власти к народу. Он не учреждал Временное правительство, а лишь соглашался с фактом его существования. Великий князь не учреждал и Учредительное собрание (поскольку не имел такой власти) — он лишь признавал его полномочия. Учредительное собрание, как и Временное правительство, было революционным учреждением: Временное правительство, как отмечалось, было создано 2 марта, еще до отречения Николая II, решение о созыве Учредительного собрания также было принято 2 марта на совещании представителей Временного комитета Государственной думы и Петроградского совета¹¹. Таким образом, Михаил **признавал победу революции**. Всероссийское учредительное собрание должно было в первую очередь решить вопрос не о том, кто будет новым царем, а быть ли вообще царству. При этом теоретически Учредительное собрание могло бы возвести на престол отнюдь не Михаила и даже не представителя династии Романовых, а **любое иное лицо**. Воля народа была объявлена суверенной, то есть **провозглашалась демократия, республика**, Михаил Александрович подчинял свою волю воле народа. Поскольку он не принимал верховной власти, он не повелевал, а лишь «просил» граждан о подчинении Временному правительству, которому на срок до созыва Учредительного собрания принадлежала «вся полнота власти». Итак, при междуцарствии воля народа выражается в выборе того или иного кандидата, при демократии — в выборе образа (формы) правления. Таким образом, устанавливалось не междуцарствие, а формально не определенный государственный строй. С учетом верховной власти Учредительного собрания его можно было считать республикой. В любом случае, «старый порядок» ушел. Николай II в дневнике отреагировал на подписание Михаилом акта 3 марта так: «Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»¹²

Без всякой аргументации Бабкин обвиняет А. Ф. Керенского в незаконном провозглашении республики 1 сентября 1917 г. — еще до созыва Учредительного собрания. Очевидно, Бабкин не читал самого акта. Там сказано: «Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя <...> Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский и провозглашает Российскую республику»¹³. Таким образом, правительство лишь констатировало существующее с 3 марта положение, то есть народоправие. Этот акт был всего лишь воззванием и даже не был помещен в Собрание узаконений. У него не было никакой юридической силы. Однако в любом случае с точки зрения существовавшего «порядка» (если это можно так назвать) Керенский 1 сентября ничего незаконного не совершил.

Итак, уже 3 марта была установлена новая политическая реальность, в которой и должен был действовать Синод. Все его дальнейшие поступки были связаны именно с этим: Синод лишь стремился укрепить государственную власть в период тяжелейшей войны (подробно шаги Синода и их политический фон освещены

¹¹ Подробнее см.: *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 303–309.

¹² Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.

¹³ Российское законодательство X–XX веков / Под общ. ред. О. И. Чистякова: В 9 т. М., 1994. Т. 9. С. 129.

щены в предыдущих рецензиях). Последние полторы главы (около 120 страниц) работы Бабкина посвящены событиям первого года большевистской власти. На сей раз Церкви инкриминируется то, что она не стала защищать власть Временного правительства (с. 560) и практически сразу, уже 4 ноября 1917 г., признала большевистское правительство, учредив его молитвенное поминовение (с. 498–500). В это время Совнарком не признавала ни одна из социалистических партий и даже часть собственного большевистского ЦК (как раз 4 ноября из Совнаркома вышло несколько его членов, настаивавших на создании общесоциалистической коалиции), а Советская власть была установлена лишь в части Центральной и Западной России. Выходит, что Поместный Собор помогал персонально Ленину укрепить свое влияние в партии и стране. Странно, что Бабкин не нашел нужным обозначить эту ситуацию как заговор Собора и Ленина против российской демократии. Тем не менее в качестве доказательства признания большевистского правительства Бабкин приводит тексты новоутвержденных Собором поминовений (с. 660): «...о Богохранимой Державе Российской, правителях ея и о всем христолюбивом воинстве...» (утверждено 4 ноября) и «...о Богохранимой Державе Российской, о победе, о пребывании мира, здравии и спасении властех наших; о мире всего мира...» (утверждено 17 ноября). Из приведенных цитат вполне очевидно, что Бабкин ошибается: Церковь молилась за победу России в мировой войне. Из этого прямо вытекало, что свержение Временного правительства не признавалось, как не признавался и недавно принятый большевистский Декрет о мире. Однако в рамках логики Бабкина нам пришлось бы признать, что под «миром всего мира» как раз и понимается Декрет о мире, а под «победой» — победа мировой революции. Выходит, что в политической борьбе Собор действительно оказал Ленину такую поддержку, на которую были не способны даже некоторые его соратники вроде Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева и В. П. Ногина, покинувшие 4 ноября свои ключевые посты в знак протеста против ленинского курса... Признание законности большевистского правительства со стороны Церкви Бабкин также усматривает в том, что иерархи, точнее митрополит Петроградский Вениамин и сам Патриарх Тихон, в декабре 1917 — январе 1918 г. именовали это правительство «властью» (с. 567–568). В ответ с той же определенностью можно лишь указать, что сам Бабкин, называя Ватикан «Римско-Католической церковью» (с. 263), признает его вселенский (кафолический) характер и тем самым является римо-католиком.

Тем не менее в конце 1917 г. в открытом Бабкиным союзе большевиков и Церкви обозначились трещины. Но Собор, как отмечается, старался не идти на обострение отношений с новоблагословенным режимом. В доказательство приводится следующее весьма оригинальное наблюдение. Советское государство до 21 января 1918 г. (до декрета об отделении Церкви от государства) «в определенной степени» было православным, а значит, Церковь могла бы наложить «интердикт» или анафематствовать его (с. 567). Однако этого не произошло. После декрета анафема, следуя этой логике, применяться уже не могла. Уж не страхом ли анафемы руководствовался в январе 1918 г. «в определенной степени» православный Совнарком, отделяя Церковь от государства? Вот еще один вопрос, который «в определенной степени» стоило бы разрешить Бабкину... Автор также

упрекает Поместный Собор в том, что он ходатайствовал об освобождении арестованных большевиками архиереев (хотя и безуспешно), но не требовал освобождения Николая II (с. 530–533). Стремление Собора сохранить аполитичность Бабкин считает борьбой с самодержавием как «харизматическим конкурентом». Бабкин также считает, что на Поместном Соборе в январе 1918 г. Патриарх Тихон сворачивал политические дискуссии, потому что не хотел обсуждения своей роли в период Февральской революции (с. 545). До политической борьбы и до дискуссий ли вообще было собору в 1918 г.?

Логика Бабкина имеет причудливый характер. Особое место в ней занимают различные мистические параллели между историческими фактами, которые призваны укрепить доказательную базу повествования. Явление Державной иконы Божией Матери, как отмечает Бабкин, «приблизительно точно совпало» с решением Синода 2 марта установить контакт с Временным правительством. Автор отрицает связь явления с отречением императора, потому что оно было подписано не днем, а поздним вечером (с. 419). Между тем хорошо известно, что решение об отречении Николай II принял именно днем — около 15 часов, по получении телеграмм от командующих фронтов. Алая порфира Богоматери для Бабкина не царственный символ, а проявление Божьего гнева (с. 420–421). Чем же в таком случае являются скипетр и держава, находящиеся в руках Богородицы? Еще одной блестящей параллелью стало сопоставление следующих фактов: 10 октября 1917 г. большевистский ЦК начал обсуждение вопроса о взятии власти в Петрограде, а 11 октября Поместный Собор приступил к вопросу о восстановлении Патриаршества, которое, по авторской версии, должно было окончательно ниспровергнуть харизматическое преимущество царства. Оба «штурма власти» готовились параллельно (с. 474). Насколько важным является такая параллель для Бабкина, становится понятно исходя из следующего пассажа: как отмечается, Керенский 1 сентября объявил республику именно под влиянием действий Синода, «ибо, с богословской точки зрения действие “духа” предшествует и обуславливает действие “плоти”» (с. 224). Таким образом, поражающая воображение своими неожиданными гранями историко-богословская концепция Бабкина включает в себя идею реинкарнации: для того чтобы восстановить Патриаршество, 25 октября «дух» убил собственную «плоть» (Временное правительство) и вселился в новую (Совнарком).

Однако банальностей в книге не меньше, чем «фундаментальных» открытий. Присутствуют и многочисленные фактические ошибки, которые свидетельствуют об уровне познаний Бабкина в русской истории начала XX в. Бабкин уверен, что в 1904 г. «Россия после 11-месячной обороны бесславно потеряла Порт-Артур» (с. 68, сн. 182). Между тем оборона длилась 5 месяцев (11 месяцев держался Севастополь в период Крымской войны, с которым Бабкин и перепутал Порт-Артур); ее «бесславное» окончание было лишь советским пропагандистским штампом, который Бабкин и воспроизводит (весьма показательное при этом использование ленинской цитаты, к чему прибегает автор). Бабкин не знает, что потерпевшая поражение в Цусимском сражении Тихоокеанская эскадра имела порядковый номер — она была Второй, в отличие от Первой, погибшей в Порт-Артуре (с. 753). По мнению Бабкина, провозглашенные Высочайшим

манифестом 17 октября 1905 г. «реформы политического устройства» начались с указа 12 февраля 1906 г. о сроке созыва Государственной думы (с. 87). Вероятно, Бабкин не догадывается об избирательном законе, вышедшем еще 11 декабря 1905 г. Государственная дума II созыва, как оказалось, просуществовала до 2 июня 1908 г. (с. 755). Тогда же, летом 1908 г. (а не в августе 1907 г.!), была создана Антанта (с. 755). В августе 1914 г. в Восточной Пруссии произошел «разгром русской кадровой армии А. В. Самсонова» (с. 756) — остается только догадываться, командовал ли Самсонов всей «кадровой» русской армией и вся ли она была разгромлена уже в начале войны (или только Вторая из десяти армий, существовавших в августе 1914 г.)? Бабкин уверен, что уже 26 октября 1917 г. была провозглашена Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (с. 560), хотя это было сделано только в конституции 1936 г. (II съезд Советов провозгласил Российскую Советскую Республику, в июле 1918 г. с принятием конституции появилось иное официальное название, просуществовавшее до 1936 г.: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика). Бабкин всерьез рассуждает о том, когда закончилась Февральская революции, — в октябре 1917 или в январе 1918 г.? (с. 198–199). Его также волнует «методологический» вопрос: в феврале-марте 1917 г. произошла революция или политический переворот? (с. 200). Откроем секрет: «революция» по-латыни и означает «переворот».

Подводя итог, отметим, что современникам событий (даже столь излюбленным Бабкиным товарищу обер-прокурора Н. Д. Жевахову и полковнику Ф. В. Винбергу) столь головокружительная концепция взаимоотношений «священства» и «царства» в голову не пришла. По прошествии сотни лет, когда десятилетия и века уже путаются в голове, сделать это, вероятно, представляется более легким. Почему бы тогда не дополнить данную работу и другими сюжетами в стиле фэнтези: рассмотреть отношения внутри Дома Романовых накануне 1917 г. с точки зрения «лествичного права» или проанализировать февральский солдатский бунт как реванш за стрелецкие казни при Петре? Тем более что все элементы жанра фэнтези у Бабкина налицо: безудержный полет фантазии, смешение реального и вымышленного, сверхъестественные явления, интригующий сюжет, средневековые образы и архетипические сюжеты. Можно было бы также провести сравнительное исследование на тему: «Концепция Бабкина как Новая хронология священства-царства». Все основания для этого есть: один из авторов «Новой хронологии» Г. Носовский, как и Бабкин, не имеет базового исторического образования и тоже является старообрядцем. Самому Бабкину такого количества фактов вполне хватило бы для масштабных выводов. Нам же остается констатировать: работа Бабкина никак не приближает нас к пониманию столь важного для России вопроса о церковно-государственных отношениях в начале XX в. Наоборот, это «исследование» лишь создает дополнительные фантомы на трудном пути к осознанию трагических событий, происходивших с нашей Родины век назад и откликающихся до сих пор.

Ф. А. Гайда